

Когда они двое вышли из помещения, время сбора уже подошло.

Услышав, что Цзянь Нань и Фэн Цзинь не в своих комнатах, съёмочная группа успела как следует перепугаться — уже отправили людей искать. Вернувшиеся сообщили, что тех нигде нет, и тревога поползла вверх по всему составу программы: мало ли что могло случиться. Поэтому, когда двое наконец появились, каждый выдохнул с заметным облегчением.

Оператор тут же подскочил и включил камеру.

В прямом эфире зрители один за другим стали подтягиваться:

«Новый день — новая порция счастья фаната!»

«Сегодня тоже хочется кормиться сценами любимой пары!»

Участники постепенно собрались у входа отеля. Лю Аньмин и Ли Хао тоже подошли, поздоровались — оба выглядели бодрыми, будто прекрасно выспались.

Лю Аньмин пригляделся:

— Сяо Цзинь, ты какой-то не очень свежий сегодня?

— А? — Фэн Цзинь ничего не стал скрывать: — Мы вчера с Нань-Нанем сделали торт. А сегодня, когда вышли... обнаружили, что кто-то его уничтожил.

Это прозвучало уже серьёзно.

Синь Тун как раз подходила и слышала последние слова.

— Ничего себе... Вы в порядке? — подошла она, вся из себя заботливая. — Торт испорчен... Из-за этого у вас будут проблемы, правда?

Но Цзянь Нань спокойно, с лёгкой улыбкой качнул головой:

— Всё в порядке. У нас был ещё один торт — так что никаких накладок не будет. Спасибо за заботу.

...

Внутри Синь Тун буквально перекошило раздражением.

В прямом эфире зрители заволновались:

«Неужели кто-то специально его испортил? Это жуть.»

«Вот куда катится мир...»

«Кто мог такое сделать? Даже торт не оставили — что за мелочность!»

Обсуждение разрасталось — каждый пытался угадать виновника.

Цзянь Нань же лениво, будто невзначай, добавил:

— Ничего страшного. Хотя камеры ночью были отключены, мы всё же поинтересовались у персонала — говорят, дежурный охранник ночью патрулировал и вроде заметил кого-то возле

кухни. Сегодня у него выходной, но вечером мы сможем его расспросить. Думаю, тогда и поймём, кто это сделал.

Лю Аньмин тепло улыбнулся:

— Ну, тогда хорошо.

Ли Хао честно и по-простому кивнул:

— Если понадобится помощь — скажите. Что сможем сделать, сделаем.

— Спасибо.

Все вокруг пребывали в общей, почти праздничной радости — и только Синь Тун никак не могла в неё вписаться. Она вовсе не понимала, как Цзянь Нань и Фэн Цзин могут сохранять такое поразительное спокойствие. Будто перед ними рухнула гора, а на лице — ни тени волнения. Она что, действительно столкнулась тогда с кем-то, когда возвращалась вчера?

Сердце Синь Туна слегка ёкнуло — уверенности в происходящем у неё не было никакой.

Фэн Цзин сказал:

— Похоже, тот охранник тоже живёт в этом посёлке. Что-то вроде... улица Тунъюй, дом девятнадцать. Вечером зайдём к нему.

Цзянь Нань коротко кивнул:

— Да.

Сидящая рядом Синь Тун незаметно записала адрес.

Небольшая толпа людей вскоре разошлась, и перед уходом Цзянь Нань велел Фэн Цзину:

— Сегодня к нему никто не идёт. Я уже предупредил охранника. Если вдруг кто-то попытается его расспросить — он сразу позвонит нам. И включит запись.

Фэн Цзин энергично закивал:

— Нань-Нань, ну ты и голова. Другой бы до такого и не додумался.

Оба зашептались, не давая зрителям услышать ни слова, отчего те только сильнее распалились от любопытства:

«Что они там шушукуются?»

«Не слышно же!»

«Может, план придумывают, как вора ловить?»

Закончив обсуждение, Цзянь Нань отправился к старику Лю Юцину. Сегодня, когда он пришёл, дед уже «разогревал» голос. Давненько он не пел, и потому тембр звучал удивительно

чисто, звонко.

Когда он пропел пару куплетов маленького арии, Цзянь Нань искренне захолопал:

— Здорово!

Лю Юцин открыл глаза и с прищуром взглянул на него:

— Парень, да ты ещё и в старой опере разбираешься?

В наше время мало кто способен спокойно сесть и слушать оперу... или, вернее, мало кто понимает его хоть немного.

Цзянь Нань подступил к чайному столику и начал заваривать чай:

— Раньше бабушка любила слушать такие пьесы. Я сидел рядом, поневоле начал понимать.

Старик рассмеялся и неторопливо опустился в своё скрипучее кресло-качалку:

— Ну, многого ты, гляжу, умеешь. Помнится, моя покойная жена тоже обожала оперу. Мы — как говорится, с детства вместе. Она с малых лет бегала со мной по театральной труппе, воду мне носила, помогала с костюмами...

Это впервые он сам заговорил о прошлом.

— Был год... группа едва не развалилась. Денег не было ни у кого. Крах был почти неминуем. И она тогда отнесла свой сценический костюм в ломбард, — голос старика чуть дрогнул; мутные, светло-карие глаза сузились, будто пытаюсь удержать ускользающие воспоминания. — Наряд для «Фэнхуантая», знаешь ли... лучший шёлк, что только можно было достать. Мой свадебный подарок ей. Эх... жаль. Очень жаль...

Фэнхуантая?!

Руки Цзянь Наня чуть дрогнули. В памяти вспыхнул образ — если он не ошибался... он ведь видел этот костюм!

Лю Юцин удивлённо сдвинул брови:

— Ты что, знаешь о нём?

...

Какое «знаешь»... Да он не просто знает!

Цзянь Нань слегка прикусил губу, не зная, стоит ли говорить правду. Кажется, этот костюм «Фэнхуантая» давно оказался в коллекции семьи Ли. Его бабушка обожала старинную оперу и однажды, заглянув в ломбард, сразу заметила свадебный наряд. Костюм «Фэнхуантая» славился роскошным кроем и великолепной отделкой; надев его, женщина должна была выглядеть так же величаво и пленительно, как сама Ян Гуйфэй.

Тот костюм действительно был шедевром. Бабушка купила его почти не раздумывая — правда,

надевала всего пару раз. Через несколько лет она ушла из жизни.

Позже дед Ли тоже очень трепетно относился к её вещам — для них даже отдельное место выделили, чтобы хранить всё по-особому.

Старик Лю Юцин тихо произнёс:

— Ту одежду я потом пытался выкупить... но мне сказали, что её уже давно забрали. Больше она ко мне не вернулась.

В груди у Цзянь Наня что-то болезненно сжалось.

— Многие вещи, — хрипло сказал Лю Юцин, — если упустил, то уже навсегда. И в этой жизни больше не получится даже надеяться.

Цзянь Нань сжал пальцы на чашке, не зная, что сказать.

Он не имел права решать за семью Ли — особенно если костюм действительно был частью бабушкиного наследия. На такие вещи он просто не мог покуситься словами утешения.

— Это... — начал он осторожно.

Старик тяжело выдохнул:

— Не продолжай. Не стоит.

— Нет, — Цзянь Нань поставил чашку и честно пояснил: — Я вообще... хотел посмотреть вашу руку. Если что-то не так, придётся поменять повязку.

...

Повисла плотная тишина.

В эфире зрители буквально покатались со смеху:

«Ахахахаха!»

«Дед завис»

«Вот прям нашёл про что напомнить в такой момент...»

В итоге Цзянь Нань всё же настойчиво сменил старику повязку. Тот, не жалуясь, вышел потом на огород — помочь с прополкой. К вечеру работа была сделана, и день пролетел неожиданно быстро.

К ночи Лю Юцин уже давно выставил свои баллы.

Зазвонил телефон.

— Это... господин Цзянь? — нерешительно спросил охранник. — Ко мне кое-кто приходил. Девушка...

Цзянь Нань невольно сильнее сжал мобильник:

— Как её зовут?

— Я... точно не разглядел. Маска на лице, пальто с капюшоном... толком и не видно, — охранник переминался, сжимая в руках конверт с деньгами. — Она сунула мне деньги... сказала, чтоб о вчерашнем я молчал.

...

Цзянь Нань немного помолчал:

— Она уже ушла?

— Да, — охранник звучал виновато. — Простите, господин Цзянь.

Цзянь Нань мягко улыбнулся:

— Всё нормально, вы ни в чём не виноваты. Спасибо, что позвонили. — Он добавил: — Кстати, вы запись включили?

— Включил, включил, — поспешно подтвердил охранник.

— Тогда пришлите её мне в WeChat, — спокойно напомнил Цзянь Нань. — Очень выручили.

— Ладно, сейчас отправлю.

Разговор завершился.

Цзянь Нань убрал телефон и медленно направился к дому, где жила старушка, о которой заботилась Синь Тун. Съёмка уже почти завершилась. Солнце садилось, окрашивая двор в тёплое золото. Он остановился внизу.

Синь Тун вышла наружу — и мгновенно застыла, увидев его.

— Нань... Нань-Нань? — голос её дрогнул, в нём слышалась явная неуверенность. — А что ты здесь делаешь?

Цзянь Нань, опершись на стену, приподнял взгляд:

— Я думал, ты и так понимаешь.

На красивом лице Синь Тун появилась улыбка — но липкая, неглубокая, не доходящая до глаз:

— С чего бы мне понимать? О чём ты? Что случилось?

Цзянь Нань кивнул, ровно и спокойно:

— Про торт. Я хочу, чтобы ты извинилась перед Фэн Цзином.

...

Воздух будто замёрз на мгновение.

Спустя пару секунд Синь Тун опустила голову и прошептала:

— Что ты несёшь?

— Я проверил камеры в гостинице. Когда я с Цзином был внизу, ты стояла наверху и видела нас. Верно? — голос Цзянь Наня оставался безмятежным, почти холодным. — В семь двадцать три вечера.

Синь Тун фыркнула:

— И это, по-твоему, доказательство?

Он поднял бровь:

— Разумеется, нет. Но ты ведь думала, что раз камеры отключили, и тебя не было в номере, то никто ничего не узнает? — Он продолжил, всё тем же спокойным тоном: — У гостиницы есть запись проходов по электронным ключам. Мы с Цзином вернулись в номер в 10:47. К тому моменту свет уже пять минут как отключили, и почти никто не выходил из своих комнат. А вот ты в 11:12 привела картой, входя внутрь. Так скажи, где же ты была?

Лицо Синь Тун резко побледнело.

Они стояли напротив друг друга, не находя слов. И когда тишина стала почти невыносимой, Синь Тун вскинула подбородок, губы скривились в холодной усмешке, а взгляд стал ледяным:

— Допустим, ты подозреваешь меня. И что дальше? Цзянь Нань, без доказательств ты можешь только бессовестно клеветать. — Она сощурила глаза: — Или ты решил, что раз ты любовник Ли Чуана, у тебя появилась крыша, и можно вести себя как угодно? Не забывайся. Я твоя старшая коллега. Следи за словами. В честь известного Ли Чуаня я сделаю вид, что ничего не слышала.

Она была уверена: у Цзянь Наня нет весомых улик.

Иначе он не стал бы заходить так издалека.

Синь Тун сияла самодовольством, уверенная в своей неприкосновенности. Но Цзянь Нань даже не попытался разозлиться. Он слегка приподнял бровь — и в его глазах промелькнула едва заметная, почти лениво-насмешливая улыбка:

— Тун-цзе, это ведь я иду тебе на уступок, разве нет?

Синь Тун замерла, не ожидая подобного.

— Ты, наверное, забыла, что существуют такие штуки, как отпечатки пальцев? — мягко, почти беззаботно продолжил Цзянь Нань. — Когда мы нашли торт, я первым делом защитил место. Если я захочу, могу прямо сейчас отдать это в полицию на экспертизу. Как думаешь, какой будет результат?

Синь Тун непроизвольно отступила назад:

— Это... не я! С какой стати мне это надо?

— Конечно, я верю, что ты ни при чём, — уголки его губ чуть приподнялись. — Если человек не виноват — ему нечего бояться. Ах да, забыл сказать: тебе даже не нужно куда идти. Я уже взял твои столовые приборы после завтрака — там тоже есть отпечатки. Могу сам отвезти их на сравнение. Как тебе? Давай я помогу доказать твою невиновность?

— Цзянь Нань! — Синь Тун сорвалась, голос стал резче, даже дрогнул. — Ты... ты перегибаешь!

Когда она впервые увидела Цзянь Наня, он ей сразу не понравился. Он выглядел слишком чистым, слишком мягким, слишком приятным — как тёплое солнышко, к которому все тянутся сами собой.

Но Синь Тун бросало в дрожь от такой «теплоты».

Ненастоящий. Лживый.

Все они тут лисы — и не стоит изображать овечку.

И сейчас, убедившись, что не ошиблась, она почти сорвалась на крик.

Синь Тун рванулась к нему:

— Ты вообще с какой стати трогаешь мои приборы!? Из-за какого-то торта? Тоже мне, сокровище нашлось! Всё ходите с Фэн Цзином — делаете вид, что такие правильные! Опять кому-то подлизываться собрались, да? А я вам помешала — вот теперь и беситесь, так? Всегда вам не нравилась, я это знала! Извиниться? Пожалуйста! Хорошо! Извини! Доволен?!

Цзянь Нань молча дослушал до конца — не перебил ни разу. А когда она наконец выдохлась, он просто посмотрел на неё. Спокойным, ровным взглядом... в котором, к изумлению Синь Тун, прозвучала тихая, почти щемящая жалость.

Через несколько секунд он сказал:

— Он приготовил не один торт. Один сегодня уже передали госпоже Чжу.

Лицо Синь Тун исказилось.

— А, второй... — Цзянь Нань продолжал тем же ровным тоном, — был для тебя. Он попросил меня добавить побольше сахара. Сказал, что ты в последнее время слишком грустная. Хотел, чтобы тебе стало чуть-чуть слаще.

Глаза Синь Тун широко распахнулись.

Жаркое лето вокруг вдруг стало ледяным — будто она провалилась в тёмную, холодную прорубь.